

Глава 1

— Я угнал самолет, — кается Рид. В голосе — ни единой ноты сожаления.

— Ты... что? — тупо переспрашивает Боргес.

— Вооруженный только одной зажигалкой, чувак.

И это самая настоящая правда, но начинается все, конечно, не с этого.

Серьезные ребята из «Сенца Вольто» выходят на Рида в Гааге, а окончательно настигают в Мельбурне.

Скажи года два назад, что эти бугаи загонят его на самый юг Австралии, Рид бы посмеялся. Постфактум все заканчивается почти хеппи-эндом: один из итальянских ослов, конечно, простреливает ему бутылку с газировкой в рюкзаке, но в итоге это совершенно не мешает Риду сесть на самолет вьетнамских авиалиний. Простой и гениальный план заключается в том, чтобы долететь до Ханоя, на северо-западе пересечь границу с Китаем, а там — хоть в Пекин, хоть в шаолиньский монастырь.

Как и все слишком простые и недостаточно гениальные планы, этот тоже катится к чертям собачьим.

Когда Рид, вальяжно усевшись в экономклассе, уже собирается поинтересоваться у стюардессы, когда же обед, он видит итальянскую морду. Блядскую, блядскую итальянскую морду. Как зовут этого парня, Рид не знает, хотя он стреляет по Риду уже полгода — пора бы и познакомиться.

Чуть позже блядская, блядская итальянская морда ловит его в кабинке туалета: просовывает ногу в щель прежде, чем Рид успевает закрыть дверь, заходит и искренне советует лететь по назначению.

— Ну-ну, дружище. За шесть часов полета наши как раз успеют подготовиться к твоему прилету и уберу-руки-ублюдок...

Это последнее, что он успевает сказать, прежде чем Рид вырубает его прицельным ударом об ободок унитаза.

Двое уединившихся в туалете мужчин — повод для подозрений любого толка. Рид умывает лицо, переступает растекающуюся по полу лужу крови, крутит защелку на треть и выходит, сильно хлопая дверью, — сидящие в ближайших креслах пассажиры недовольно морщатся. Дергает ручку. Заперто.

Впереди маячит неотвратимый факт: в Ханое его ждут. Неважно, сами «Вольто» или нанятые ими головорезы-подрядчики, — Риду как-то без разницы, хотят его убить из чистой ненависти или из любви к деньгам. Он почти слышит треск: так рушится его надежда выйти из передраги красивым и целым.

Бортпроводница как раз везет свою чудодейственную тележку вдоль рядов — кажется, за светской болтовней с итальянцем он пропустил обед, — и Рид, опускаясь на место, небрежно просит коньяк.

Коньяк должен сделать ситуацию лучше, но не делает, и прямая летная дорожка до Ханоя все еще кажется беспросветной жопой. У него есть минут десять, пока люди не начнут ломиться в туалет. Осознавая, как проходят секунды, Рид остро хочет закурить — оцените уровень отчаяния, если Рид не курит.

Когда на дне остается еще половина, он ставит стакан на столик. Боинг на триста с лишним человек — это не маршрутное такси. На пассажирских самолетах нет парашютов, а даже если бы и были, то от удара о воздух Рида бы разнесло на составляющие — и да, стоп, под ними Индийский океан.

«Очаровательно, — мрачно думает он. — Восхитительно».

Оружие перед проверкой пришлось выкинуть: металлодетектор нужно было пройти максимально быстро и безболезненно. Рид не имеет обыкновения привязываться к вещам, хотя за пару классных «Глоков»-близнецов было обидно. Впрочем, даже они не помогли бы по прибытии в аэропорт, набитый мудаками из «Вольто».

Сейчас из оружия у Рида есть только трофейная, в форме пистолета Стечкина, зажигалка с гравировкой гвоздем по пластмассе: «Э. от Д., береги свой зад». С помощью нее можно уничтожить разве что парочку сигарет, да и ребята из «Вольто» точно в курсе, как выглядит настоящий огнестрел, — ничем ему эта зажигалка сейчас не поможет.

С этой ерундой разве только самолет, полный гражданских, захватывать.

Самолет.

Полный гражданских.

Черт побери, он и правда об этом подумал?

Зажигалка во внутреннем кармане впивается в ребро, когда Рид отворачивается к иллюминатору, чтобы спрятать от сидящей рядом полной австралийки подозрительный блеск в глазах.

Он правда об этом подумал.

Все простые и гениальные планы Эйдана Рида обычно летят по кочкам со скоростью болида «Формулы-1». А этот план такой сложный и такой тупой, что, в принципе, может и сработать.

Рид нащупывает зажигалку и встает медленно, будто бы давая себе шанс передумать, метеориту — врезаться в самолет, катастрофе — произойти и чему-то из вышеперечисленного остановить его, но ничего не происходит. Только австралийка рядом, смуглая, с разгладившимися от лишнего веса морщинами, смотрит на него испуганно-настороженным взглядом.

— Расслабьтесь, — говорит ей на английском Рид. — Не нужно ни о чем переживать.

И залпом опрокидывает в себя коньяк.

Идущая мимо стюардесса оборачивается: синяя пилотка у нее на голове чуть-чуть сбилась набок, а взгляд выжидающий. Так разглядывают пьяных пассажиров, которые вот-вот начнут буяннить. И это очень вовремя, потому что он салютует ей стаканом:

— Дамочка, отведите меня к старшей бортпроводнице, я намерен жаловаться на это отвратительное пойло.

И дальше уже ничто не идет нормально.

* * *

— Нужно было убить тебя прямо в туалете! — брызжет слюной итальянская морда.

— Вот так? — предполагает Рид, трижды ударяя его головой о дверь. Прямо по свежей ране. Бить этого парня о твердые поверхности становится приятной традицией.

И:

— Я слежу за вами! — орет Рид через плечо вжавшимся в спинки кресел пилотам. — Не вздумайте ничего делать! А ты, — это снова итальянцу, — даже не пытайся стащить мой пистолет, ублюдок!

И:

— А как тебя зовут, кстати?

А еще:

— Эта штука стреляет, Альберто, серьезно, эта штука стреляет!

И эта штука правда стреляет.

За тридцать два года жизни Рид усваивает одно правило: главный — тот, кто может прострелить тебе голову. С того момента как он, вооруженный пластмассовой зажигалкой, обезоруживает командира экипажа и забирает у него нормальный «Вальтер», проходит полчаса. Расстановка сил меняется, и угадайте, кто теперь здесь самый крутой парень.

Рид может только догадываться, но, скорее всего, дело было так: очухавшись в туалете, его новый знакомый Альберто не обнаружил Рида смиренно ждущим своей судьбы на месте С18 и пошел тем же путем — разве что более окровавленный и менее симпатичный. То есть остановил старшую бортпроводницу, угрозами заставил ввести код в кабину пилотов, а потом...

У Рида нормальный «Вальтер» с патронами среднего калибра. Самый крутой парень — это тот, кто может прострелить тебе голову.

Ранение оказывается слепым, кровь вытекает ровной дорожкой из дыры во лбу, Рид пинает тело к стене, стараясь не испачкать ботинки, и говорит пилотам, не оборачиваясь:

— Я знаю, чем вы там занимались. Я все видел.

Ничего он не видел. Только предполагает. Нужно быть совсем уж кретином, чтобы не наступать, пока угрожающий тебе пистолетом мудака, приказавший перенаправить самолет в Хошимин, отвлекся, — оказался Рид на их месте, так бы и поступил.

Он добавляет, видя напряженный профиль обернувшегося командира экипажа и не менее напряженный затылок его помощника:

— Так что теперь мы снова меняем курс.

Стены мерно гудят, за широким окном над приборной панелью — утопический пейзаж из белых облаков. Второй пилот зажимает рот рукой, пытается подорваться с места, но Рид с силой усаживает его за плечо обратно.

— Ты никуда не пойдешь, блюй в окно.

Конечно, последнее, чего хотелось бы, — чтобы, кроме валяющегося в углу трупа, здесь еще и воняло рвотой, но ни выходить самому, ни выпускать кого-либо Рид не намерен. Нет, спасибо.

Последний раз, когда эта дверь открывалась, сюда вломился его новый мертвый друг Альберто, чуть не задушил его голыми руками и чуть не пристрелил выбитым из рук «Вальтером». В довесок, скорее всего, пилоты умудрились растрепать, куда нарисовавшийся на борту захватчик приказал перенаправить самолет, и поэтому:

— Слышали? Меняем курс! Бангкок? — тут же предлагает альтернативу он.

Или, например:

— Пномпень?

Второй пилот, видимо, борется с очередным приступом тошноты; господу напряженно молчат. Боже, ну убил он на их глазах человека, с кем не бывает? Рид слегка закипает, но виду не подает. Его цель — попасть в какой-нибудь средних размеров город и затеряться там. Желательно где-то на континенте, желательно, чтобы там его никто не хотел убить.

— Ребят, кто здесь главный: я или вы? Почему я все должен делать за вас?

Рид кладет руки на оба кресла: на спинку одного ставит взмокшую ладонь, во второе упирается кулаком, сжимающим пистолет, — и закатывает глаза.

— Мы можем сесть в Дананге, — натянутым голосом предлагает второй пилот, шумно сглатывая.

— Это Вьетнам? — переспрашивает Рид. Нет, спасибо, во Вьетнаме его с нетерпением ждет «Вольто», идем дальше. — Не стоит. Еще варианты?

— Куала-Лумпур?

— Ну нет.

— Мактан?

— Замечательно, а это, блять, вообще где?

Оказывается, на Филиппинах.

Филиппины идут вразрез с планом «затеряться на континенте»; можно, но нежелательно. Из плюсов: там он был один раз, лет в девятнадцать, и тогда у окружающих еще не было привычки, увидев его, сразу начинать стрелять.

Рид с сомнением качает головой, а когда понимает, что пилоты все еще боятся на него смотреть, говорит вслух:

— Так себе идеяка.

— Мандалай. Хотя... — Второй пилот смотрит на какие-то показатели на панели перед собой. — Нет, мы не долетим.

И хорошо: мандалайским группировкам он не нравится. После инцидента в две тысячи седьмом они стреляют в каждого, кто похож на Рида, а потом уже уточняют, он ли это был вообще. Так что с этим «не долетим» никто особо ничего не теряет. Ну кроме того счастливого чика, который мог бы сорвать обещанные за голову Рида сорок миллионов кятов.

— Ну а до чего долетим? — деловито интересуется он, взглядом бегая по приборной панели.

Не будь он в этой ситуации доморощенным террористом, с интересом бы поспрашивал, на хрена тут все эти горящие кнопки: в кабине пилота настоящего боинга он впервые.

Командир экипажа (тот, что постарше помощника и не потеет от страха так сильно) смотрит на Рида взглядом, в котором читается: «В следующий раз думай, прежде чем захватывать самолет», а потом скрепя сердце предлагает:

— Ближе всего будет сесть в Индонезии.

С одной стороны, Индонезия — это шикарная идея; где-то на Яве его старый дружище Диего Боргес со своими ребятами как раз выполняет поручение очередного зажавшегося толстосума. Зандли — напарница Боргеса, маленькая женщина с большим дробовиком, — конечно, отвесит Риду на орехи, но они уж точно смогут вытащить его из этого дерьма.

— И какие у вас идеи насчет Индонезии? — он до сих пор не уверен, что реально готов на это пойти и что задает вопрос вслух.

С одной стороны, Индонезия — это шикарно, ведь там Боргес. С другой стороны, Индонезия — это, ну, *Индонезия*.

— Медан? — деревянным голосом предлагает командир, бликуя блестящим от пота лбом.

— Слишком далеко на запад.

Увы.

— Пеканбару? — влезает второй пилот.

— Там вообще есть аэропорт? Нет, спасибо.

Спустя полминуты молчания звучит:

— Оптимальный вариант — Джакарта.

«Ох, как же без этого, действительно», — дерзко думает Рид про себя.

— Джакарта? — слабым голосом переспрашивает Рид вслух.

— Джакарта.

Это очень, очень плохая идея. На самом деле, это худшая идея из всех предложенных! Рид массирует переносицу свободной рукой,

а потом несколько более жалобным, чем может позволить себе захватчик самолета, голосом тянет:

— Но мне нельзя в Джакарту!

Командир раздраженно — Рид бы разделял его возмущение в любой другой ситуации — разворачивается и спрашивает:

— Почему?! — Во взгляде читается: «Боже, как же ты достал».

Рид с ним согласен: мужик, ты бы знал, как меня самого это задолбало.

— Эй, не смотрите на меня так, — уныло хмыкает он и думает: «Кто захватчик? Ты захватчик. Кто всем наподдаст? Ты всем наподдашь». — Сколько до нее лететь? Час? Ладно, у вас работает эта штука для телефонной связи? Мне нужно позвонить.

Штука, как оказывается, работает.

— Бо, это я, — начинает Рид.

— Так это *ты*? — взвинченно переспрашивает запыхавшийся Боргес. На заднем плане слышится треск, визг и недовольный вскрик.

— Нет, это не я, — тут же отрицает Рид, чувствуя, что может опять оказаться в чем-то виноват.

Боргес начинает сердиться:

— Братан, так ты это или не ты?

— Ну, вот то, что у тебя, — это не я. А здесь — это я.

И за что Рид всегда невероятно ценил и ценит Боргеса, так это за:

— А, ну тогда круто. — Вот за такое вот. — Тогда что случилось-то, амиго?

— Давай на секунду, вот чисто гипотетически представим, что я через час буду в аэропорту в Джакарте...

— Братан, — недоуменно прерывает его Боргес. — Братан, тебе же нельзя в Джакарту.

Рид едва удерживается от того, чтобы длинно и тоскливо вздохнуть: было бы неплохо обсудить что-то, чего он не знает, окей?

— Расскажи мне об этом поподробнее, — ворчит он, потому что да кто в этой части Азии не знает о том, что Риду нельзя в Джакарту? Хотя, по правде говоря, у него нет выбора. А теперь скажи это вслух и сожги все мосты для отступления. — У меня нет выбора.

— Где ты вообще сейчас?

— Секундочку. — Рид наклоняется между сиденьями пилотов и шепотом уточняет: — Ребят, а где мы сейчас?

— Пролетаем над Ямденной, — слглатывает все тот же младший пилот и косится на пистолет в руке Рида, которым он облокачивается на его кресло.

— Ямдена, — сообщает тот в трубку. — Ты знаешь, где это?

— В душе не ебу.

— Ну вот, я в десяти километрах над этой фигней.

— Что ты там делаешь? И... ты что, в самолете?

Вопли на заднем плане внезапно идентифицируются как крайне недовольный Салим — *Салим*? Откуда рядом с Боргесом *Салим*? Салим — часть иного круга общения Рида, и слышать их рядом друг с другом как минимум удивительно. Ладно, это потом.

У него уходит некоторое время, чтобы все-таки решиться резать правду-матку, и в итоге:

— Я угнал самолет, — кается Рид. В голосе — ни единой ноты сожаления.

И вот тогда происходит этот легендарный диалог.

— Ты... что? — тупо переспрашивает Боргес.

— Вооруженный только одной зажигалкой, чувак.

— Ладно, брат... — голосом «это ни черта не ладно!» говорит Боргес. — Смотри, я правильно понял? Ты угнал самолет. — «Он сделал что?!» — слышится на заднем плане. — И через час собираешься приземлиться в Джакарте... — «Он собирается приземлиться где?!» — На этом самом угнанном самолете?

Салиму бы травки попить, чего он так нервничает-то. Рид решает не давать этим крикам омрачить свою радость:

— Ты у меня всегда был умненьким!

— И тебя надо встретить и вырвать из оцепления, куда нагонят всех наших местных копов?

— Если не национальную гвардию, — косится Рид на пилотов. — В общем, через час. Аэропорт, куча полиции, перестрелка, возможность получить пару огнестрельных. Нормально?

— Отлично!

И, отключая телефон, Рид понимает, что вот это тоже ни хрена не нормально и ни хрена не отлично.

Через каких-то несчастных шестьдесят минут он окажется в городе, где не был уже три года, с радостью не появлялся бы еще лет двадцать и где его знает каждая собака.

Более того, где эта каждая собака хочет его убить.

Глава 2

— Эй, — возмущенно говорит Рид.

— Вы что, — возмущенно говорит Рид.

— Это вместо объятий? — возмущенно говорит Рид.

Салим демонстративно снимает свою «Беретту» с предохранителя. По «Беретте» в каждой руке.

— Гони в объезд по Седьмой, — бросает он Нирмане, хмурия темные брови. Та даже не оборачивается на Рида, и у последнего теперь зияющая рана — в сердце, дыра — в душе и скоро будет дырка в бедренной кости, если Зандли не уберет пистолетное дуло от его бока.

Рид решает, что пристально смотреть сейчас Салиму в глаза — все равно что подписаться на самоубийство, так что он переводит взгляд влево и экстренно пытается сменить тему.

— Кстати, что это вообще такое? — тычет он пальцем в долговязого с подозрительным именем и неестественно длинными конечностями. Тому приходится подобрать под себя колени, чтобы не проломить бардачок, но и он — вы только подумайте! — тоже наставил на него пистолет. — И почему оно в меня целится?

— О, это Шестакофф Андрей, — дружелюбно знакомит их Боргес — единственный в этой тачке, кто не тычет в Рида оружием. — А-н-д-р-е-й. Которого ты так настойчиво игнорил. Он новенький певчий мальчик, — Рида передергивает от воспоминаний об этой должности, — в Церкви. Блин, прикинь, за метр девяносто ростом!

— Здравствуйте, — вежливо здоровается Андрей. Сутана на нем насыщенно-черная, не выцветшая — даром что не похрустывает, когда тот двигается. — И... я просто повторяю за паком Салимом?

— А если пак Салим с крыши прыгнет, ты тоже прыгнешь? — скептически фыркает Рид. Подумать только, да если бы все повторяли за Салимом, он, Рид, не дожил бы и до двадцати. — Получше образец для подражания не мог себе найти?

И тут же замолкает, потому что обычно, когда Салим опускает брови к переносице ниже еще на полтора миллиметра, где-то поблизости на следующее утро находят труп. Рид отчаянно не хочет оказаться тем парнем, который «был обнаружен бегуном в парке сегодня в семь сорок утра, и к другим новостям», так что замолкает. Надолго его — естественно — не хватает:

— Ребята, ну нормально же ехали. Мне обидно.

— Нам тоже было обидно, — бросает Нирмана из-за руля, — когда ты дал деру с частью бабла за партию в Коямпуттур.

— До слез, — мрачно подтверждает Салим. На его смуглом круглом лице — ни слезинки, поэтому это наглая, наглая ложь, но Рид решает оставить обвинения при себе.

— Пак Рид украл выручку со сделки? — сует свой длинный нос с переднего сиденья этот новый певчий Андрей, робко выставляя свой пистолет из-за подголовника.

Это было бы даже мило, если бы Рид был из тех, кто любит, когда на него наставляют что-то длинное, узкое и неорганическое.

— Пак Рид нагрел нас на выручку со сделки, — уточняет Нирмана и делает крутой вираж, заставляя всех в машине схватиться за сиденья. — Своих же кинул.

— Потише, ты не в ГТА! — гаркает Салим. — А ты, Андрей, убери пушку и сиди тихо, понял?

— Но, пак Са...

— Андрей!

Рид оглядывается: шутки шутками, но пистолеты они, кажется, убирать не собираются.

— А что насчет милосердия и всепрощения? — спрашивает он. — А если я чек выпишу? — снова, чуть настойчивее.

Потом сдается:

— Ладно, ладно. Ну и что мне надо сделать, чтобы старик епископ меня не прикончил?

Как будто проблема только в старом хрыче. Да тут половина Джакарты спит и видит, как бы подпортить Риду лицо.

— Об этом нужно было думать раньше, — отрезает Салим.

Фу, какой ты скучный. Да кто вообще думает о последствиях?

Пытаясь абстрагироваться от безрадостных перспектив, Рид ерзает на сиденье и наконец придумывает, как грамотно сменить тему. Тем более этот вопрос реально, *реально* не дает ему покоя уже почти час.

— Не то чтобы я против, я одобрю любое ваше решение и приму вас любыми, но, кстати, — он обводит их взглядом отца, не вовремя зашедшего в комнату к дочери, — почему вы все вместе?

Под «вы» Рид подразумевает Боргеса и Зандли — отдельно и своих бывших коллег в черных сутанах во главе с невыносимым Салимом — отдельно. Боргес и Ко были частыми гостями в Юго-Восточной

Азии, но не настолько частыми, чтобы за те полтора месяца, что Рид и Боргес не были в контакте, успеть стать прихожанами Церкви Святого Ласкано. Тем не менее спасти Рида Боргес примчался под ручку с Салимом — и теперь Рид наконец намеревается узнать почему.

Салим цыкает: видимо, то, что Рид и небеса благословляют союз Церкви с командой Боргеса, не значит, что его благословляет сам Салим.

А потом после паузы неохотно тянет:

— Ты вообще не слышал, что происходит в городе?

— Чувак. Чувак!

Лицо Салима требует прекратить называть его чуваком, пока он держит Рида на прицеле.

— Меня не было здесь три года и не было бы еще дольше, если бы уроды из «Вольто» не отрезали мне пути к отступлению, а бравые пилоты Фрэнк и Майкл не предали нашу дружбу. Откуда я могу знать, какой хренью вы тут страдаете на этот раз?

— «Вольто»? — переспрашивает Зандли, приоткрывая один глаз. Дуло ее ружья все еще смотрит прямо на Рида и приносит осязаемый дискомфорт. — Ты что, натравил на себя ребят из «Сенца Вольто»?.. О!

И в этом «о» сконцентрирован весь оскорбительный подтекст, доступный человеческой цивилизации со времен мезозоя.

Рид бы ей ответил, но немногое удастся сказать стерве, которая держит огромную пушку на уровне твоих гениталий, так что он перекрывается на Боргеса, который как раз спрашивает:

— Погоди, амиго, а что за «Вольто»?

Вполоборота глядя на профиль единственного в этой машине (а возможно, и во всей криминальной Джакарте) человека, который не хочет его пристрелить, Рид произносит всего одно слово:

— Руссо.

И лицо Боргеса озаряется пониманием. А затем в обсуждение врывается всем знакомая (не)приглашенная звезда:

— Ты тупой? — спрашивает Салим. — Как ты вообще умудрился натравить на себя *Руссо*?

— Давайте поговорим об этом в исповедальне, святой отец, — отшучивается он.

Потому что это длинная история, включающая в себя плохо komponующиеся для неподготовленного слушателя элементы: Чили,

Пунта-Аренас, пятизвездочный отель, снотворное в стакане с виски, искусственный глаз, грубо сколоченный ящик с оружием, ушные палочки, двух горячих мексиканок, одного горячего мексиканца и рукоприкладный диспут на фоне пролива Дрейка. Ну и понеслась.

Рид быстро возвращается к предыдущей теме:

— Так что у вас здесь за праздник дружбы и толерантности? В прошлый раз, когда мы виделись все вместе, Зандли пообещала прострелить тебе голову. А теперь, гляньте-ка, сидите в одной машине, ближе, чем на расстоянии судебного запрета...

— Ха-ха-ха, очень смешно, — игриво говорит Зандли, зубами открывая чупа-чупс и сплевывая ошметки упаковки на пол. — Смешнее будет, только когда я отстрелю тебе член.

Рид не уверен, что это будет смешно. Это даже не будет забавно. Это будет намного ниже среднего. Конечно, она не выстрелит — это ясно как дважды два, но ему все равно немножко, самую малость неуютно, когда пистолет тычется ему в место, которым он, по расхожему мнению, думает.

— Давай не будем впадать в крайности... — просит Рид. Чтоб он еще когда-нибудь вообще сел рядом с ней! — Лучше вы опустите свои стволы, и мы обсудим, почему вы тут все такие злые.

— По-моему, это очевидно. — Салим очерчивает дулом дугу в направлении Рида, явно подразумевая что-то нелицеприятное.

— Да нет, — Рид не хочет возвращаться к теме любимого себя, потому что это чревато. — Вы с какого-то хрена работаете вместе. У вас что...

— Слышал про Гринберга? — перебивает его Боргес с затаенным восторгом.

И на самом деле это очень, очень внезапный вопрос.

Рид перебирает в голове всех Гринбергов, которые ему знакомы, — таких оказывается немного. Маленького Гринберга из Техаса Боргес знать не знает, а Гринберга из Толедо, спустя секунду вспоминает Рид, на самом деле зовут не Гринберг, а Гольдберг. Значит, остается...

— Про Карла Гринберга? — уточняет он. — Илона Маска от фальшивомонетничества?

Если что-то и можно было сказать про Карла Гринберга, так это то, что слава шла впереди него. Рассказы о мастере над монетой сновали по криминальному миру не первое десятилетие; Рид, кажется, сам услышал о нем впервые лет в шестнадцать, еще когда батрачил курьером на мелкую шушеру из Селатана. Страничка

в «Википедии» вполне может служить индикатором популярности, искренне считает Рид. Особенно если статья про тебя начинается со слова «гений».

Так что, с одной стороны, мало кто это имя не слышал, а с другой — судя по лицам в салоне, кажется, в этом имени и кроется причина, почему конкретно эти лица собрались конкретно в этом салоне. Рид щурится на них:

— И какое отношение селебрити криминальной тусовки имеет к вам? Бо, не к тебе.

Проблема только в том, что о Гринберге ничего не было слышно уже лет... Десять? Пятнадцать? Много, в общем, лет. «Таинственно исчезнувший» и все такое. Слухов ходило много: были подозрения, что он осел под чужим именем в какой-то из стран третьего мира или его таки сцапал Интерпол. Хотя было бы здорово, если бы он всплыл. Только желательно не в Чиливунге спиной кверху. Рид, конечно, печатанием денег не занимался, но автограф бы взял с удовольствием.

— Ну, он был в городе, — неохотно говорит Салим, наконец убирая пистолет, за что Рид ему очень благодарен.

— Был? — с его лица даже исчезает выражение «я все знаю». — Гринберг? Так ты серьезно? Ну и когда встреча с фанатами? Дресс-код повседневный или нужно сказать Нирмане, чтобы завернула за смокингом?

— «Был» — глагол в прошедшем времени, Рид, — обрывает полет его мечты Нирмана. — И пошел на хер, я тебе не таксистка.

— Милая, я со всем уважением, — врет Рид в ее сторону. — Зандли, убери пушку, пристрелишь меня, когда выйдем из машины. Так что с Гринбергом? Расскажите, хочу все знать!

Много позже Рид пожалеет, что не сказал в этот момент что-нибудь вроде «Ничего мне не рассказывайте» или «Остановите машину, я выйду тут». Но пока он думает о том, что все не так плохо, как могло бы быть. Ему всего лишь надо пережить эту поездку — легкотня, разговор с монсеньором — терпимо, а затем смотаться из этого города прежде, чем его начнут узнавать на улицах. План кажется ему осуществимым, только руку протяни: наври там, наври здесь, купи место на лодке до Южной Суматры, пересядь на тачку, брось тачку, купи билет на самолет, помаши Индонезии ладошкой, скажи гудбай — и поэтому Рид проявляет благосклонный интерес.

Поэтому — а еще потому, что любопытство однажды доведет его до эшафота.

— Что ему здесь было надо? — с жаром интересуется он. — Чего это именно Джакарта внезапно, после стольких лет радиомолчания?

Типы вроде Гринберга предпочитали другую половину земного шара: Нью-Йорк, Лондон, Мадрид, Берлин. Это была их вотчина — финансовые махинации проходили не в загаженных подвалах на улицах с невыговариваемыми названиями, а в красивых конспиративных квартирах в переулках Бронкса или Челси. Джакарта — ну, Джакарта для таких, как Рид, Боргес или Салим. Тех, кто отстреливается от полиции, а не прячется от нее.

— Он объявился месяц назад. — Салим откидывается на сиденье и сумрачно рассматривает проносящийся мимо грязный городской пейзаж. — Наворотил дел, а теперь снова пропал. Весь город уже неделю его ищет. Мы с твоими друзьями столкнулись, — он смотрит на Боргеса и Зандли, а потом утомленно вздыхает, — пока... проверили кое-какие концы по Гринбергу.

Если вранье было стихией Рида, то Салиму оно не давалось совершенно: каждое абстрактное «наворотил дел» и «кое-какие концы» он выдавал с таким видом, будто у него кость поперек горла встала и не выкашливается. Рид почти чувствует ностальгию — ему всегда нравилось заставлять Салима выкручиваться, — но этой ностальгии недостаточно, чтобы он решил задержаться еще на денек. Будет скучать по Салиму издалека, так они лучше ладят.

— Звучит уныло, — говорит Рид, — а на самом деле что?

— Падре сказал правду, — насмешливо говорит Зандли, опираясь локтем на дверцу машины и прокручивая пистолет на пальце. Рид очень надеется, что тот на предохранителе и Нирмана не припаркует у церкви тачку, полную жмуриков. — Просто опустил... детали.

— Некоторые, — неожиданно грустно подтверждает Боргес.

— Да блять, — Нирмана сигналил, затем высовывается из окна и заявляет кому-то: — Еще раз так сделаешь — тебя больше не найдут. — И дальше, без паузы: — Да скажите вы ему уже как есть. Гринберг запустил на рынок машинку по распечатке бабла, которое невозможно отследить.

Чего?

— Она имеет в виду набор идеальных долларовых клише, — поправляет ее Салим. — А еще она прекращает угрожать малолеткам! Это был тинейджер на скейте, Нирмана!

Чего?

— Я всего лишь предупредила его, что кататься посреди дороги — опасно.

— И теперь он останется заикой.

— Его проблемы.

— Говорят, что достопочтенный мэтр, — сообщает Зандли, пользуясь моментом, — создал долларовые клише, которые не смогут отличить от оригинала даже в Монетном дворе дяди Сэма. Супер-пупер-технология. — По ее тону Рид не может определить, верит ли она сама в то, что говорит. Зандли, когда хотела, могла иронию спрятать в иронию и завернуть в иронию. — Ходят слухи, что ее опробовали то ли в Сингапуре, то ли в Гонконге, и теперь все на островах как с ума посходили. Мы приехали, а вся Ява гудит, как будто в муравейник нассали.

Рид скептически морщится. Серьезно? Что за сказки для маленьких начинающих преступников 3+? Идеальные долларовые клише? Даже такой гений, как Гринберг, не мог построить у себя в подвале Форт-Нокс. Нормальные долларовые клише — пожалуйста. «Ну, вот тут косячок, но в целом пойдет» долларовые клише — тоже запросто. Но не идеальные. Иначе здесь уже всю сновали бы...

— А доллары-то американские?

— Да.

...Сновали бы американцы. Но ни одной американской рожи среди мопедов он пока не приметил. И тем не менее Рид все еще не улавливает.

— Так, хорошо. Из ниоткуда появляется звезда фальшивомонетчиков, запускает на подпольный рынок идеальные, — Рид показывает пальцами кавычки, — оттиски для печати бабла и пропадает. А сами-то сакральные таблички где? Кто теперь счастливчик?

— Кто бы это ни был, счастливчиком он будет недолго, — злобно фыркает Салим.

Рид вздыхает. Кажется, пока его не было, главным национальным развлечением этой страны стала игра в шарады. Сначала ему кажется, что Салим имеет в виду «счастливчиком он будет до тех пор, пока не встретится с моей “Береттой”», но потом видит: Салим поджимает

губы, тарабанив пальцем по ручке стеклоподъемника. Злобы в нем все еще много, но вот нервяка явно побольше.

Три года назад Салим был тем, кем пугают, а не тем, кто пугается. И вот на тебе. Кто же тут замешан? В Джакарте есть только одна настолько крупная рыба, что ее боятся и белая акула, и батя из «В поисках Немо». Рид очень надеется, что он ошибается.

— Дай угадаю, — хмыкает он, — на идеальные оттиски наложено идеальное проклятие?

— Ага, — отвечает Нирмана с водительского сиденья, — проклятие простреленной грудины. Фирменное, мать его, заклинание колдунов Картеля.

Картель. Ну конечно.

В идеале Риду вообще не хотелось бы слышать это название все то время, пока он будет находиться в Джакарте, но вот он, посмотрите, сидит, окончательно забравшись с ногами на сиденье, и, черт побери, спрашивает:

— Старик Басир до сих пор жив, что ли? О, эти скорбные лица. Вас понял.

Когда Рид сваливал из Джакарты, из Ольбериха Басира, главы Картеля, уже песок сыпался. У Рида были все основания надеяться, что спустя три года о главном уроде Джакарты напоминать будет только эпитафия.

Главном самом богатом уроде Джакарты.

Главном самом опасном богатом уроде Джакарты.

Возглавляющем самую опасную богатую группировку.

Картель, твою мать, Вос-хо-да.

— А что остальные? Хоть кто-то помер? Ну пожалуйста. Что насчет Деванторы? Или Камиллы?

— Камиллу посадили в Китае в прошлом году, праздновали всей Церковью, — абсолютно не празднично сообщает Нирмана. — А вот Девантора живее всех живых.

Такие люди, как Камилла — пока, родная, сколько лет дали, кстати? — и Девантора, делали Картелю имя, но на них Картель не заканчивался. Картель был монструозной преступной опухолью на теле Малайского архипелага. Джакарту разрушали на его деньги, Джакарту отстраивали на его деньги. Наркотики, оружие, проституция, миллионные обороты — все это делало Картелю имя, и этим именем пугали маленьких и взрослых. Трясся даже Салим, хотя умело это скрывал.

Рид оборачивается, исподтишка разглядывая его профиль — сплошь напряженный зигзаг.

— Басир живой, Девантора тоже, никакого праздника на моей улице, — ворчит Рид себе под нос, вытирая пот со лба. Рубашка, в которой он сошел с самолета, сверху напялив бронежилет, вся мокрая. — Блин, народ, давайте закроем окна и включим кондиционер.

Может быть, он вспотел от стресса (одно упоминание Картеля Восхода могло заставить воду из организма попытаться испариться и сбежать из Джакарты, используя гидрологический цикл), но вслух он произносить этого не стал.

— Классная идея, но он здесь не работает, — говорит Нирмана. — Я это выяснила, пока в тебя целились.

Оказывается, в мире происходит столько интересных открытий, пока в Рида целятся! Учитывая, что на уговоры не стрелять он тратит треть своего времени лет с пятнадцати, вся жизнь проходит мимо.

— Самая жалкая тачка в мире, — повторяет за старшими Рид и свистит, привлекая внимание. — Эй, певчий мальчик, открой окно пошире, до меня не долетает. Так вот, продолжаем. — Он разворачивается обратно с самым деловым видом.

Про себя он уже успевает добраться до Куала-Лумпура и затеряться среди малайзийцев — только теперь это намерение обретает весомую мотивацию и вектор. Он не собирается оставаться здесь дольше, чем потребуется, чтобы раздобыть фальшивые документы, спасибо.

— Значит, старик Басир тоже хочет печатать деньги. Невинное хобби на старости лет, почему бы и нет. Как же так получилось, что оттиски еще не у него?

— Тебе, может, еще презентацию с диаграммами провести? — заводится Салим. — Тащи, блять, проектор.

— Эй, дружище. Ты бесишься. А ты не бесись, — предлагает Рид, а потом отворачивается от Салима и кладет подбородок на спинку водительского сиденья, чтобы поговорить с тем, кто не такой эмоциональный. — Так вот.

В салонном зеркале видно, как Нирмана закатывает глаза.

— Если ты думаешь, что я хочу об этом всем говорить, то за три года ты вконец отупел.

— Да что ж вас так всех травмировало-то? — не унимается Рид. — Вы ведь не полезли в эту заварушку с оттисками, да?.. *Не полезли же?*

— Это тебе расскажет его преосвященство, — бросает Салим с ощутимым садизмом.

Рид строит ему перепуганные глаза: «О нет, только не его преосвященство», а сам думает, как бы сделать так, чтобы до встречи с бывшим начальством вообще не доводить.

— Ты мне что, не доверяешь?

— Если ты сейчас оскорбишься, это будет цирк, — задумчиво улыбается Зандли, поправляя пистолетом очки на голове — истошно-розовые, в форме сердечек.

Салим выуживает из кармана сутаны мятую пачку сигарет и опускает свое окно.

— Это разговор не на пять минут. Сейчас тебе нужно знать только то, что вся Джакарта, — доставая зубами сигарету, комментирует он, — охотится за оттисками чертова легендарного фальшивомонетчика, которые тот пустил по рукам, как гребаную часовую бомбу.

— Все равно эти ваши скрижали Завета закончат на шикарном ковре у ног Басира, — пожимает плечами Рид, — здесь даже париться нечего.

Салим сощуривается, глядя на него:

— Проблема в том, Эйдан, что мы паримся. Потому что оттиски должны закончить не на басировском ковре, а на нашем.

Рид замирает. Салим это серьезно? Они что... Они решили потягаться с *Картелем*? *Они в своем уме? Выпустите его из машины!*

— Да, в этом участвуем мы. В этом участвует Картель, — говорит Салим. — Но тем, что мы сейчас обсудили только Картель, мы оскорбили еще десяток не менее опасных мудаков, которые тоже в этом участвуют.

И ухмыляется, наслаждаясь оторопью Рида:

— Добро пожаловать домой.

* * *

Как порядочный безбожник Рид оценивает храмы по художественной ценности постеров со святыми, защищенности ящика с подающими и удобству лавочек. Так что ничего удивительного в том, что католическая церковь на берегу мусорной реки Чиливунг, с унылыми стенами и отвратительными скамейками, получает твердую троечку и плевков на порог.

(Если Рид плюнет за порогом этого пристанища веры, то его преосвященство потом плюнет в его кремированные останки.)

По приезде оказывается, что напряг ребят в тачке не идет ни в какое сравнение с напрягом ребят в Церкви. У ворот на территорию — форпост из двух машин, главное здание оцеплено по периметру мрачными служителями, а общая атмосфера давит на нервы. В нефе в два раза больше народу, чем бывает тут одновременно, — значит, епископ отозвал людей с островов и собрал их в штабе.

Они с Боргесом и Зандли мозолят задницы на отвратительных скамейках уже двадцать минут — под орлиным взглядом двух специально выделенных на них церковных прислужников с калашниковыми у бедра. Ни одно из типично яванских лиц Рид не узнает, на попытки подружиться яванские лица не реагируют, на просьбы принести водички не отзываются — по части обслуживания Церковь Святого Ласкано традиционно лажает. Рид не думает, что Салим всерьез рассчитывает, что охрана сможет остановить их, если они решат прогуляться из церкви вон, но, видимо, надеется, что им будет стыдно бедокурить.

Или считает, что их остановят еще двадцать вооруженных до зубов головорезов в сутанах.

То, что Церковь перешла на военное положение, — плохой знак, а Рид всю жизнь старался избегать фиговых предзнаменований. Его желание свалить из города становилось все сильнее и чесалось где-то в области инстинкта самосохранения.

Что бы тут ни происходило, он не хотел в этом участвовать.

— Так что произошло-то? — спрашивает Рид, не поворачивая к Боргесу голову и наблюдая, как пара мрачных послушников тихо переговаривается у витражей, выходящих на южную сторону. — Эта движуха как-то связана с тем, что вы с Церковью теперь подружки? Только не говори, что тоже решил заняться печатным делом.

Начинает Боргес, как обычно, издали:

— Помнишь, я тебе говорил, что мы должны передать непонятно что в стремном чемодане? — он неопределенно почесывает бритый затылок.

Под «мы» он подразумевает свою маленькую, но мультифункциональную команду наемников. Храброе трио, вооруженное резвым интеллектом (Серхио Лопес, тридцать три года) и недюжинной силой (Диего Боргес, тридцать четыре, и Зандли Таснем, уже лет десять чуть-чуть за двадцать).

Рид копается в памяти, и та выдает: *«Бро, бро, мы щас, короче, едем в Сегеран отдавать какой-то груз и забирать за него два*